
В ТИШИ
УТРАЧЕННЫХ СЛОВ

Уинди Уиспер

В тиши утраченных слов

https://litres.ru/74576247
SelfPub; 2026

Аннотация

Шестеро студентов отправляются в лингвистическую экспедицию на север Карелии, чтобы создать нейросеть-архивариус для исчезающих языков и найти «воскресший» диалект. Открытия, сделанные в затерянной карельской деревне, меняют всех. Теперь под угрозой не только цель экспедиции, но и каждый из них.

Содержание

Пролог. Лакуна 4
Глава 1. Таинственная семиотическая жизнь 6
Глава 2. Ксеноглоссия 12
Гла 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Уинди Уиспер
В тиши утраченных слов

Пролог. Лакуна

1 октября 1996 года
Деревня Саммалъярви

Здесь ни у кого нет зеркал. Только гладь Мшистого озера. Сегодня я посмотрел в него. Впервые за два месяца я увидел своё отражение.

Половину моего тела покрывают лишайники и мхи. Они впитали лесную влагу и стали очень мягкими. От них пахнет сыростью и болотом. Там, где ещё остались проплешины, под кожей можно нащупать скопления спор. Скоро мох вырастет и здесь. Ивовые побеги пробиваются из грудной клетки. Не понимаю: это хрустят мои рёбра или ветви ивы. Из бровей и ресниц торчат тёмные хвоинки. Они опадают мне на щёки и грудь. Когда я моргаю, ледяная роса стекает по моему лицу. Можно подумать, что это слёзы. На плечах появились грибницы в форме неровного круга. Из них растут влажные поганки на тонких ножках. Пальцы деревенеют и обрастают шершавой корой.

Озеро исполнило моё желание. Я не чувствую боли и страха. Я чувствую, как тянутся к земле мои корни. Как они сплетаются с другими. Это не больно. Это правильно.

На этой странице – моя последняя запись. Но я не забуду ни одного слова и узнаю даже больше. Наконец я *[лакуна]*.

Прим. переводчика: лакуна — труднопереводимое слово. В данном контексте его значение может быть противоречиво. Толкование уточняется.

Перевод: А.М. Корхонен. Черновой вариант. Не для печати.

Глава 1. Таинственная семиотическая жизнь

Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится.
1-е послание к Коринфянам 13:8

«Прочти меня»– такими будут мои последние слова, обращённые к кому-либо. Если бы вы знали, что, например, через сутки навсегда перестанете говорить, писáть и понимать чужую речь в любом виде, какими были бы ваши последние слова? К кому бы они были обращены?

Даже защитив докторскую диссертацию по семиотике языковой утраты, до недавнего времени я не могла осознать, насколько важны слова. И всё же однажды на лекции я попыталась объяснить это студентам.

******

– Верите ли вы в силу слова? В его способность иметь больше власти, чем действие? Сделать человека счастливее, чем это могли бы сделать вещь или событие? Причинить больше боли, чем физическая рана? – я сделала паузу и обвела взглядом полупустую аудиторию.

Несколько студентов сонно гипнотизировали часы над высокой скрипучей дверью, как будто это могло ускорить тече-

ние времени, замершего на 10:15 утра. Лекция должна была вот-вот закончиться.

– Что ж, лес рук…

Остальные, включая Алёну, забрались на укромные дальние ряды. Их взгляды скучающе пробегали по экранам телефонов, спрятанных под партами или за учебниками. Впрочем, Алёна никогда не садилась вперед. По крайней мере, так было до экспедиции.

Полина, как обычно, сидела спереди. Её уставшее лицо выражало напряженную сосредоточенность, глаза были направлены на экран ноутбука, а пальцы время от времени мягко стучали по клавишам. Иногда она отрывалась от экрана, фотографировала слайды и снова возвращалась к ноутбуку. На столе, рядом с одноразовым кофейным стаканчиком, лежал её телефон, и я могла видеть, как на нём был включён диктофон.

Только Мила, сидевшая прямо передо мной, внимательно слушала лекцию, но, казалось, и она не была готова отвечать на вопрос.

Подсвеченные тёплыми солнечными лучами пылинки медленно кружили в воздухе. Неловкое молчание прерывалось шелестом кленовых листьев во дворе кампуса, прерывистым звуком печатания на клавиатуре и мерным тиканием секундной стрелки, наполнявшим аудиторию лёгким эхом.

Мила сделала глоток кофе из термоса и смущённо заёрзала на стуле. Убеждённая в том, что слова в современном

мире ничего не значат, она изучала ушедшие миры, чтобы почувствовать наполненность смыслами. В этом мы похожи. Я тоже знала, что не принадлежу этой эпохе, поэтому искала своё место во временах, когда ещё часто звучали давно исчезнувшие языки.

– Думаю, сейчас все слова понемногу лишаются своей силы, ценности и значения, – робко произнесла Мила, – как будто бы тускнеют…

– Судя по вашему утверждению, слова имеют собственную жизнь и волю. Мартин Хайдеггер говорил: «Язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек». Он считал, что мы не используем слова, а *вслушиваемся* в них.

Я снова выдержала паузу и почувствовала на себе несколько любопытных взглядов. Удивительно, но мысль Хайдеггера произвела на студентов сильное впечатление, высвободив их из полусонного безразличия. Полина перестала печатать, и, поправив очки, заинтересованно посмотрела на меня.

– Похожую идею высказывал Фердинанд де Соссюр. Он утверждал, что языки живут таинственной семиотической жизнью, независимой от воли говорящих, – отчеканила Полина. И хотя её формулировка была академичной, самой мысли было присуще романтическое настроение.

На субботний майнор по философии языка к девяти утра приходили немногие. Кто-то из студентов переживал, что я, будучи их ментором, напишу нелестную характеристику в

конце года, если буду замечать пропуски. Кому-то действительно было интересно, но подъем в шесть утра в выходной день часто лишал искры интереса даже самых прилежных.

С дальних сидений амфитеатра послышался звонкий, но немного стеснительный голос Алёны, – Я недавно читала Макса Мюллера. Он, вроде бы, был не согласен с этой идеей. Но мне кажется, что язык – это живой организм.

Кажется, к этому моменту студенты были готовы активно участвовать в обсуждении, и Мила продолжила мысль, – Согласна. Но такое ощущение, что раньше жизнь языка не зависела от воли людей. А сейчас по какой-то причине эта сила уходит. Теперь говорящий полностью контролирует его.

– Во время споров на эту тему было сломано немало копий в научном сообществе. И да, Алёна, вы правы. Мюллер действительно был против мифологизации языка. А вот точных доказательств изменения его роли пока что нет. В 21 веке лингвисты и филологи ставят перед собой другие вопросы. Например…

– …как с голоду не помереть, – впервые за утро подал голос Арсений. Он довольно оглядывался по сторонам, оценивая эффект от своей колкости. В аудитории раздалось хихиканье. Мила не присоединилась к единодушному порыву и с упрёком посмотрела на Арсения.

Я досадно улыбнулась и ответила, – в том числе и этот вопрос.

Сеня – так он представился при первой встрече – перешёл

на наш факультет только на третьем курсе. Слышала, что он не справлялся с нагрузкой на прошлом направлении и не без помощи влиятельного отца смог поступить сразу на третий год программы. Сеня любил пошутить о нелёгкой судьбе филолога, да и вообще обо всём понемногу, но эта привычка редко пересекала границы дозволенного.

На удивление, в течение следующей пары недель я слышала, как студенты обсуждали идею собственной воли и силы языка в столовой, коридорах, аудиториях. Несколько человек в последний момент даже добавили в свою курсовую раздел на эту тему. Как выяснилось позже, для некоторых она оказалась губительной, во многом по моей вине.

Присутствующие на лекции быстро втянулись в разговор, спорили друг с другом и со мной, задавали уточняющие вопросы и шутливо намекали на непристойные значения слова «любовь» в фильмах, благодаря которым оно во многом обесценилось. Четверть часа пролетела незаметно для всех.

– На этом сегодня закончим. Список чтения на слайде. Он не обязателен, но может помочь вам при написании дипломной работы в следующем году. Прошу моих подопечных не забыть о сегодняшних менторских встречах.

Я осталась наедине с шелестом клёна и эхом часов – оно заполняло собой каждый уголок аудитории. Сняв очки, пробежалась взглядом по списку студентов, с которыми в тот день были запланированы личные встречи. В таблице, размеченной по часам, одно за другим следовали имена: Поли-

на, Толик, Лёша, Мила, Алёна, Сеня. Иногда я переживала, что если кто-то из деканата увидит, как неформально я записываю студентов, ко мне могут возникнуть вопросы. Однако за год менторской программы и работы над грантовым конкурсом моя привязанность к ребятам стала крепкой, а посторонние редко заглядывали в расписание. Кроме того, мне нравилась роль друга-наставника. Она придавала уверенности в том, что я способна на многое.

В ту минуту, проверяя расписание, я была уверена, что сообщу каждому из выбранных участников радостную новость. Возможно, она бы не омрачилась последующими событиями, если бы у меня хватило смелости поехать с ними. Если бы я не старалась забыть свои сны.

Глава 2. Ксеноглоссия

Весь год для менторских встреч я бронировала одну из уютных переговорных комнат в университетской библиотеке. И хотя в ней не было стеллажей с книгами, зато вдоль стены располагались большие окна с деревянными рамами, а на подоконниках стояли терракотовые горшки с раскидистыми растениями – сотрудницы библиотеки сердечно о них заботились и показывали мне все новые побеги, появившиеся за время моего отсутствия. Даже при закрытой двери из коридора доносился плотный, немного шершавый запах пыльных стеллажей, пожелтевших от времени страниц и свежеотпечатанных изданий. Иногда в комнату проникал аромат дешёвого горячего шоколада, если кто-то пользовался кофейным автоматом возле двери.

Когда я ждала начала первой встречи, то почувствовала в переговорной этот самый запах, и вместе с ним в комнате появилась Полина. В одной руке она держала ноутбук, с которым, кажется, никогда не расставалась, в другой – белый стаканчик второго за это утро эспрессо.

– Доброе утро, Поля! Присаживайся, – она аккуратно села, положила на колени закрытый ноутбук и сделала глоток кофе. – Как ты себя чувствуешь? Как продвигается работа над курсовой?

– Здравствуйте. Как обычно, под конец года загружен-

ность больше: сессия, курсовая, стажировка, ваш майнор. Курсовую отправила научруку пару недель назад, сейчас работаю над его правками. Как у вас дела?

Если приглядеться, на светлом лице Полины можно было заметить следы хронической усталости: за бликами квадратных очков скрывались серо-фиолетовые круги, их обрамляла тонкая сеточка нежно-зелёных сосудов, словно ростки пробивающихся сквозь талый снег первоцветов. Тонкие бледные губы были сжаты и редко растягивались в улыбке, а белокурые волосы всегда были собраны в строгий пучок, из которого не выбивалась ни одна прядь.

Как луч солнца показывается в пасмурный день вопреки непроницаемой толще тяжёлых туч, так, пробиваясь сквозь все эти следы недосыпания и напряжения, сияли в изящной прозрачной оправе светло-серые глаза Полины. Держу пари, каждый, кто смотрел ей в глаза, особенно если она была без очков, испытывал светлую печаль, навеянную едва ощутимым теплом суровых северных сказок.

– У меня всё отлично. Как поживает мама?

Полина смутилась. Она не любила говорить о матери в стенах университета. – Давайте не будем об этом. Она обещала вам позвонить на неделе, – даже на менторских встречах Поля обращалась ко мне на «ты». Только вне вуза она могла опустить формальность, хотя случалось это редко.

– Хорошо, извини… – я попыталась возвратить диалог в непринуждённое русло, приступив к основной причине

встречи. – В общем-то, настроение у меня даже праздничное. Есть одна хорошая новость, – я загадочно улыбнулась. Полина выпрямилась и внимательно посмотрела на меня.

– Пришёл ответ? – спросила она с придыханием.

Несколько мгновений я молчала, чтобы выдержать торжественность момента. – Да, мы выиграли грант! И ты первая из группы, кто об этом узнал. Сегодня планирую обрадовать остальных.

Полина легко улыбнулась, но глаза её выражали такое неподдельное счастье, что если бы в комнате было темно, они бы заменили тёплый июньский свет, лившийся из окон.

Поля училась на третьем году программы «Фундаментальная и прикладная лингвистика», параллельно стажируясь на должности младшего NLP-аналитика. Обработкой естественного языка она заинтересовалась ещё в старшей школе. Возможно, Полина надеялась, что, обучив машину понимать полутона и настроения, социокультурные и юмористические нюансы языка, она сама сможет почувствовать всё это. Чтобы развить в себе это чувство, Поля посещала мои лекции.

Я продолжила, перейдя к более формальной части. – Все детали я укажу в письме: место и даты первой экспедиции, бюджет, уточнённые цели и задачи. Скорее всего, вы поедете в августе. Июль лучше посвятить отдыху от экзаменов и основательной подготовке.

Полина возразила. – Я успею подготовиться за пару дней.

Мы можем поехать в июле.

– Не сомневаюсь. Но остальным необходимо больше времени на проработку методологии, материалов, подготовку оборудования. Ты можешь использовать это время, чтобы поспать больше пяти часов за сутки.

– Ерунда, – Полина спокойно относилась к шуткам про свой распорядок и сама любила иронизировать о том, что её сердце уже не выдерживает пять чашек кофе в день, поэтому пятую она теперь берёт без кофеина.

– Ладно, за это время я помогу ребятам с их сборами. Может, получится выехать раньше, – тогда, обычно спокойной и терпеливой, Поле было сложно усидеть на месте, не доставая телефон с заметками о предстоящей экспедиции.

Она шутливо добавила. – Кстати, о самочувствии… В последнее время я чаще вижу странные сны. Даже лучше сказать, слышу сны, где какой-то мужчина в лесу поёт песни на неизвестном языке.

Полина тихо напела мотив. Я замерла, на секунду забыв, как дышать, потому что узнала его. Она не заметила моего оцепенения, потому что, вспоминая мелодию, устремила взгляд в потолок.

– Прочитала в интернете, что такое явление называют ксеноглоссией и что точные его причины неизвестны. Сначала я думала, что пора завязывать с кофе, хотя бы на пару дней. Потом поняла, что это моё подсознание говорит со мной. Во сне я уже представляла нашу поездку. Первый пункт назна-

чения – Карелия, ведь так? – она с любопытством посмотрела на меня, но выражение её лица сразу стало тревожным. – С вами всё в порядке?

Не знаю, как я выглядела со стороны. Мне казалось, что все мои органы заледенели, образовав один большой мутно-кровавый айсберг. И только сердце бешено стучало, резонируя с осколками льда внутри. В похожем состоянии я просыпалась после каждого такого сна. Они начались, когда исчез папа.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.